

Столыпинский

вестник

Научная статья
Original article
УДК 327.56

**НЕКОТОРЫЕ МАЛОИЗВЕСТНЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ
МИРОТВОРЧЕСКОЙ МИССИИ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ**
SOME LITTLE-KNOWN ASPECTS OF THE RUSSIAN PEACEKEEPING
MISSION IN SOUTH OSSETIA

Гобозов В. Ф., доцент кафедры гражданского права Юго-Осетинского государственного университета им. А.А. Тибилова Республика Южная Осетия, г. Цхинвал

Gobozov V. F., Associate Professor of the Department of Civil Law of the South Ossetian State University. A.A. Tibilov Republic of South Ossetia, Tskhinval

Аннотация. В статье анализируются малоизвестные аспекты и особенности российской миротворческой операции в Южной Осетии в 1992-2008 гг.

Можно привести немало других фактов, подтверждающих, что отнюдь не все шаги в ходе миротворческого процесса принимались в Южной Осетии на ура, а, наоборот, многие из них становились предметом серьезных дискуссий. Впрочем, все это только способствовало «шлифовке» миротворческого механизма и, возможно, стало одним из тех основополагающих факторов, благодаря которым сегодня многие считают российскую миротворческую операцию в Южной Осетии уникальной.

Annotation. The article analyzes the little-known aspects and features of the Russian peacekeeping operation in South Ossetia in 1992-2008.

There are many other facts that confirm that not all steps in the course of the peacekeeping process were taken in South Ossetia with a bang, but, on the contrary, many of them became the subject of serious discussions. However, all this only contributed to the "polishing" of the peacekeeping mechanism and, perhaps, became one of those fundamental factors that today many consider the Russian peacekeeping operation in South Ossetia unique.

Ключевые слова: Республика Южная Осетия, Государство Алания, Грузия, Россия, ОБСЕ, зона грузино-осетинского конфликта, миротворческая операция.

Keywords: Republic of South Ossetia, Alania State, Georgia, Russia, OSCE, Georgian-Ossetian conflict zone, peacekeeping operation.

Первая на постсоветском пространстве миротворческая операция России началась 14 июля 1992 года, когда в Южную Осетию были введены трехсторонние «смешанные силы по установлению мира». Основу их составил российский военный контингент, в состав миротворцев входили также грузинский и осетинский (североосетинский) батальоны.

Трудно переоценить значение данной миротворческой операции в новейшей истории Республики Южная Осетия/Государства Алания [1]. Она обеспечила народу Южной Осетии относительный мир на 16 лет. По образному и весьма точному выражению многолетнего сопредседателя Смешанной Контрольной Комиссии от Югоосетинской стороны Бориса Чочиева, «миротворческий контингент был железным щитом между Южной Осетией и Грузией» [2]. Нельзя не согласиться и с его выводом о том, что «без миротворцев август 2008 года случился бы на 16 лет раньше» [3]. Недаром 14 июля в Государстве Алания является праздничной датой – Днем миротворца.

Сейчас уже редко кто вспоминает о том, что данная миротворческая операция была процессом отнюдь не безоблачным, если не сказать – довольно

противоречивым. В ее истории немало «белых пятен», которые еще ждут своих исследователей.

Операция по установлению мира в Южной Осетии началась в соответствии с Соглашением о принципах мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта, которое было подписано в Сочи 24 июня 1992 г. Поэтому в научной литературе оно чаще всего обозначается как «Сочинское соглашение». В Государстве Алания же предпочитают называть его Дагомысским соглашением. В соответствии с ним, была учреждена «смешанная Контрольная комиссия в составе Сторон, вовлеченных в конфликт», главной задачей которой был контроль за прекращением огня, выводом вооруженных формирований, роспуском сил самообороны и обеспечением режима безопасности. Для этого СКК придавались «смешанные силы по согласованию Сторон по установлению мира и поддержанию правопорядка» [4].

Интересно, что хотя Сочинское (Дагомысское) соглашение формально было двусторонним (российско-грузинским) документом, однако составлен он был на трех языках – грузинском, русском и осетинском, «причем все тексты имеют одинаковую силу» [4]. Подписали же его вместе с президентом РФ Борисом Ельциным и главой Грузии Эдуардом Шеварднадзе руководители Северной и Южной Осетий Ахсарбек Галазов и Торез Кулумбегов. Фактически легитимность и мандат операции обеспечивались особым соглашением, составленным на трех языках и подписанным четырьмя сторонами, которое соединяло в себе черты двустороннего межгосударственного документа и четырехстороннего соглашения между сторонами конфликта [5].

Необычным аспектом процесса урегулирования грузино-осетинских противоречий является и то, что в нем наряду с Россией принимала участие Республика Северная Осетия-Алания, являющаяся ее составной частью. Кроме того, в состав ССПМ был сформирован отдельный североосетинский батальон. Вряд ли можно сыскать другой аналогичный пример участия в международных

процессах урегулирования конфликтов субъекта Федерации, а тем более – его миротворческого военного контингента.

Вопреки устоявшемуся мнению, трехсторонняя структура «смешанных сил» (российский, грузинский и осетинский батальоны) была определена не непосредственно Сочинским соглашением, в котором говорится лишь о необходимости решения данного вопроса «по согласованию Сторон», а Протоколом встречи представителей сторон по выполнению Соглашения о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта от 4 июля 1992 г. [6]. Аббревиатура ССМП для обозначения миротворческого контингента впервые появилась в Протоколе №1 заседания СКК, которое прошло в тот же день [7]. Чуть позже, 12 июля 1992 г., комиссией были установлены границы зоны грузино-осетинского конфликта и коридора безопасности, в которых должны были действовать ССМП [8]. В дальнейшем Смешанные силы по установлению мира и правопорядка были переименованы в Смешанные силы по поддержанию мира (ССПМ).

Принято считать, что созданная в 1992 году в соответствии с Сочинским (Дагомьским) соглашением Смешанная контрольная комиссия (СКК) первоначально состояла из трех частей – Российской, Северо-Осетинской и Грузинской, а Южная Осетия вначале якобы не воспринималась даже как сторона в конфликте [9]. Первый президент Республики Южная Осетия Л.А.Чибилов вообще утверждает, что в «первом» СКК Южная Осетия участвовала «в качестве наблюдателя». По его мнению, только в 1994 г. комиссия была преобразована в четырехсторонний орган, а Южная Осетия вместе с РФ, Грузией и РСО-Алания стала «четвертой равноправной стороной» [10].

Однако это не совсем соответствует действительности. Ни один из документов периода 1992-94 гг. не дает никаких оснований утверждать, что Южная Осетия считалась или воспринималась как наблюдатель в СКК. И юридически, и фактически Смешанная Контрольная комиссия изначально была учреждена и функционировала в качестве четырехстороннего органа. Это подтверждается ст. 3

Сочинского соглашения, согласно которой комиссия создавалась «в составе Сторон, вовлеченных в конфликт» [11]. А значит, и Югоосетинской стороны, которую явно невозможно назвать «невовлеченной» в данное противостояние. Кроме того, на первой встрече представителей сторон по выполнению Сочинского соглашения, прошедшей 4 июля 1992 г., был предельно персональный состав СКК, в котором были, в том числе, представители Южной Осетии – Тезиев О.Д. и Газзаев П.Г. Они участвовали в работе комиссии в качестве полноправных ее членов, а не наблюдателей. Единственный отход от «принципа четырехсторонности» был зафиксирован при выборе сопредседателей СКК: их было всего три – Шойгу С.К., Китовани Т.К. и Хетагуров С.В. [12]. Причем, Хетагуров С.В. воспринимался, скорее, как сопредседатель от всей Осетинской стороны, а не только от РСО-Алания. И хотя это, безусловно, было в определенной степени дискриминирующим Южную Осетию фактором, однако в данном случае все же очевидно, что Смешанная Контрольная комиссия и первоначально (в 1992-94 гг.) была не трехсторонним, а четырехсторонним органом, правда, с тремя сопредседателями.

Косвенно данный тезис подтверждается Соглашением «О дальнейшем развитии процесса мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта и о Смешанной контрольной комиссии (СКК)» от 31 октября 1994 г., на основе которого была возобновлена деятельность комиссии. В нем говорится о преобразовании СКК в «постоянно действующий механизм», «постоянно действующий орган четырех сторон, участвующих в урегулировании конфликта и ликвидации его последствий» [13]. Это, конечно, более конкретное определение, чем то, которое содержится в Сочинском соглашении («в составе Сторон, вовлеченных в конфликт»), но принципиально ничем от него не отличается. Потому как в данном случае понятия «стороны, вовлеченные в конфликт», и «стороны, участвующие в урегулировании конфликта», тождественны.

Термина «сопредседатели» в новом Положении об СКК, принятого также 31 октября 1994 г., больше нет, вместо них фигурируют «руководители представительств Сторон», а высшей организационной инстанцией СКК названо

«заседание полномочных представителей Сторон в лице Руководителей представительств Сторон и других членов СКК» [14]. Впрочем, и в дальнейшем руководителей представительств Сторон продолжали по-прежнему именовать сопредседателями.

Таким образом, в документах, на основе которых возобновилась деятельность СКК в 1994 г., нет ни одного положения, свидетельствующего об изменении числа сторон, представленных в комиссии с правом решающего голоса. Таковой, естественно, не считается Миссия ОБСЕ в Грузии, которая «принимала участие» в работе этого органа с совещательным голосом. «Возобновленная» СКК структурно отличалась от «первоначальной» только количеством сопредседателей, но не сторон.

Впрочем, появление отдельного сопредседателя от Югоосетинской стороны в любом случае было положительным фактором. Так же как и то, что в упомянутых документах от 1994 г. «поименно» названы все четыре стороны, участвующие в урегулировании конфликта, досконально прописаны формат, принципы деятельности и принятия решений СКК, включая равноправие сторон в переговорном процессе и консенсус при принятии решений.

Несмотря на это, решение о возобновлении деятельности СКК вызвало неоднозначную реакцию в Южной Осетии, чуть было не спровоцировав внутривнутриполитический кризис. Безусловно, определенную роль в данном случае играли психологические факторы. В условиях, когда прошли считанные месяцы с момента прекращения огня, любые контакты с грузинской стороной исключительно болезненно воспринимались в Южной Осетии. Однако более важным и определяющим было тот факт, что значительная часть югоосетинского общества опасалась, что данный переговорный механизм специально создается с целью разработки условий для вхождения Южной Осетии в состав Грузии.

Подозрение в этом контексте вызвало, в частности, то, что в соответствии с документами, подписанными в 1994 г., СКК обязалась работать с «органами местной власти», но не с органами власти республики, которые вообще не

упоминались в них. Это многими в Южной Осетии было воспринято как попытка заменить «нелегитимный» в глазах Тбилиси и Москвы Верховный Совет республики «более легитимными» местными (городским, районными) властными структурами в качестве субъекта переговорного процесса

Неприятие вызывали также положения, согласно которым ССПМ получали полномочия по поддержанию правопорядка и разоружению т.н. «незаконных военизированных формирований» [14]. Югоосетинская оппозиция полагала, что данные нормы могут послужить правовой основой для разоружения вооруженных сил и правоохранительных органов Республики Южная Осетия, так как именно они являлись «незаконными» для Москвы и Тбилиси, не признающих суверенитета Цхинвала.

Судя по всему, основания для таких опасений действительно были. Как пишет А.И. Подберезкин, со ссылкой на командующего российскими миротворцами генерал-майора Николая Павлова, «российские миротворческие силы фактически приняли на себя обязанности правоохранительных органов Южной Осетии в части охраны порядка в регионе и задержания правонарушителей». Автор утверждает также, что «на парламентских выборах 27 марта 1994 г. в Южной Осетии представители местных силовых министерств потерпели поражение. Изменить новый расклад политических сил они не смогли, так как российские миротворческие силы стали противовесом отрядам боевиков и опорой избранного нового руководства республики» [15].

А.И. Подберезкина серьезно ввел в заблуждение его информатор: ничего подобного в реальности в Южной Осетии не происходило. Российские миротворцы никогда не занимались правоохранительной деятельностью, а тем более не вмешивались во внутривнутриполитические процессы в этой республике. Более того, в феврале 1997 года положение о защите законности и правопорядка вообще было изъято из мандата ССПМ как бесполезная – «мертвая» – функция. Но сама личность информатора, рассказавшего А.И. Подберезкину не столько о реальной деятельности миротворцев, сколько о своих нереализованных желаниях на посту

командующего ССМП, весьма показательна и как минимум свидетельствует о том, что упомянутые выше опасения югоосетинской оппозиции возникли не на пустом месте.

Это только некоторые малоизвестные аспекты истории первой успешной миротворческой миссии России на постсоветском пространстве. Можно привести немало других фактов, подтверждающих, что отнюдь не все шаги в ходе миротворческого процесса принимались в Южной Осетии на ура, а, наоборот, многие из них становились предметом серьезных дискуссий. Впрочем, все это только способствовало «шлифовке» миротворческого механизма и, возможно, стало одним из тех основополагающих факторов, благодаря которым сегодня многие считают российскую миротворческую операцию в Южной Осетии уникальной.

Литература

1. По результатам референдума от 9 апреля 2017 г. Республика Южная Осетия получила второе название – Государство Алания, в связи с чем в настоящей статье используются равнозначные названия: Южная Осетия, Республика Южная Осетия, Государство Алания.
2. Борис Чочиев. Железный щит // Республика Южная Осетия. 2016. №2. С. 46-47
3. Диана Козаева. Борис Чочиев: Без миротворцев август 2008-го случился бы на 16 лет раньше [Электронный ресурс] – URL: <https://sputnik-ossetia.ru/20200714/Boris-Chochiev-bez-mirotvortsev-avgust-2008-go-sluchilsya-by-v-92-m---10858499.html> (дата обращения: 16.07.2022).
4. Соглашение о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта // «Международное публичное право», Сб. док, т.1, М.: БЕК, 1996 год.
5. Никитин А.И. Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование: Учебник. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. С. 31-54.
6. Протокол встречи представителей сторон по выполнению Соглашения о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта от 4 июля 1992 г.

- [Электронный ресурс] – URL: <https://cominf.org/node/1166483728>. (дата обращения: 16.07.2022).
7. Протокол № 1 заседания Смешанной контрольной комиссии по урегулированию грузино-осетинского конфликта от 4 июля 1992 года, г. Владикавказ [Электронный ресурс] – URL: <https://cominf.org/node/1166483728>. (дата обращения: 16.07.2022).
 8. Протокол №3 заседания СКК от 12 июля 1992 г. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://sojcc.ru/soglashenia/124.html> (дата обращения: 12.03.2014).
 9. Миротворческая операция в Южной Осетии как уникальный опыт // Южная Осетия. 2015. 14 июля. №88.
 10. . Чибиров Л.А. Борис Пастухов: Осетия перед ним в долгу // Дарьял. - 2009. - №3. - С. 188-201.
 11. Соглашение о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта // «Международное публичное право», Сб. док, т.1, М.: БЕК, 1996 год.
 12. Протокол встречи представителей сторон по выполнению Соглашения о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта от 4 июля 1992 г. [Электронный ресурс] – URL: <https://cominf.org/node/1166483728>. (дата обращения: 16.07.2022).
 13. Соглашение «О дальнейшем развитии процесса мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта и о Смешанной контрольной комиссии (СКК)» [Электронный ресурс] - URL: <https://tkhostov.ru/docs/detail.php?ID=1330> (дата обращения: 16.07.2022).
 14. Положение о Смешанной контрольной комиссии по урегулированию грузино-осетинского конфликта [Электронный ресурс] – URL: <https://tkhostov.ru/docs/detail.php?ID=1330> (дата обращения: 16.07.2022).
 15. Подберезкин, Алексей Иванович. Современная военная политика России [Текст] : учебно-методический комплекс : в двух томах / А. И. Подберезкин ; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение

высшего образования "Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации", Кафедра всемирной и отечественной истории, Центр военно-политических исследований. - Москва : МГИМО-Ун-т, 2017. - 21 см.; ISBN 978-5-9228-1717-2..

Literature

1. According to the results of the referendum of April 9, 2017, the Republic of South Ossetia received a second name – the State of Alania, in connection with which this article uses equivalent names: South Ossetia, the Republic of South Ossetia, the State of Alania.
2. Boris Chochiev. Iron Shield // Republic of South Ossetia. 2016. No. 2. pp. 46-47
3. Diana Kozaeva. Boris Chochiev: Without peacekeepers, August 2008 would have happened 16 years earlier [Electronic resource] - URL: <https://sputnik-ossetia.ru/20200714/Boris-Chochiev-bez-mirotvortsev-avgust-2008-go-sluchilsya-by-v-92-m---10858499.html> (date of appeal: 07/16/2022).
4. Agreement on the principles of settlement of the Georgian-Ossetian conflict // "International Public Law", Sat. doc, vol.1, Moscow: BEK, 1996 year.
5. Nikitin A.I. International conflicts: intervention, peacemaking, settlement: Textbook. M.: Publishing House "Aspect Press", 2017. pp. 31-54.
6. Minutes of the meeting of representatives of the parties on the implementation of the Agreement on the Principles of Settlement of the Georgian-Ossetian Conflict of July 4, 1992 [Electronic resource] – URL: <https://cominf.org/node/1166483728>. (accessed: 07/16/2022).
7. Minutes No. 1 of the meeting of the Mixed Control Commission for the Settlement of the Georgian-Ossetian conflictThe Ossetian conflict of July 4, 1992, Vladikavkaz [Electronic resource] – URL: <https://cominf.org/node/1166483728>. (accessed: 07/16/2022).
8. Minutes No. 3 of the CCM meeting of July 12, 1992 - [Electronic resource]. - Access mode: <http://sojcc.ru/soglashenia/124.html> (date of application: 12.03.2014).

9. Peacekeeping operation in South Ossetia as a unique experience // South Ossetia. 2015. July 14. No. 88.
10. Chibirov L.A. Boris Pastukhov: Ossetia owes him a debt // Daryal. - 2009. - No. 3. - pp. 188-201.
11. Agreement on the principles of settlement of the Georgian-Ossetian conflict // "International Public Law", Sat. doc, vol. 1, M.: BECK, 1996.
12. Protocol of the meeting of representatives of the parties on the implementation of the Agreement on the Principles of Settlement of the Georgian-Ossetian conflict of July 4, 1992 [Electronic resource] – URL: <https://cominf.org/node / 1166483728>. (date of application: 07/16/2022).
13. Agreement "On further Development of the Process of Peaceful Settlement of the Georgian-Ossetian Conflict and on the Joint Control Commission (JCC)" [Electronic resource] - URL: <https://tkhostov.ru/docs/detail.php?ID=1330> (accessed: 07/16/2022).
14. Regulations on the Joint Control Commission for the Settlement of the Georgian-Ossetian Conflict [Electronic resource] – URL: <https://tkhostov.ru/docs/detail.php?ID=1330> (accessed: 07/16/2022).
15. Podberezkin, Alexey Ivanovich. Modern military policy of Russia [Text] : educational and methodological complex : in two volumes / A. I. Podberezkin ; Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation", Department of World and National History, Center for Military and Political Studies. - Moscow : MGIMO-Un-t, 2017. - 21 cm.; ISBN 978-5-9228-1717-2..

© Гобозов В. Ф., 2022 Научный сетевой журнал «Столыпинский вестник» №8/2022.

Для цитирования: Гобозов В. Ф. НЕКОТОРЫЕ МАЛОИЗВЕСТНЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ МИРОТВОРЧЕСКОЙ МИССИИ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ // Научный сетевой журнал «Столыпинский вестник» №8/2022.